

ПУБЛИКАЦИИ

Г. М. ПРОХОРОВ

ПУБЛИЦИСТИКА ИОАННА КАНТАКУЗИНА
1367—1371 гг.

В Москве, в Государственном Историческом музее, в Синодальном собрании, под № 233 ($\frac{143}{\text{CXLIV}}$) хранится греческая рукопись, содержащая богословское полемическое сочинение (*Ἀντιρρητικά*) экс-императора монаха Иоанна-Иоасафа Кантакузина, направленное против иеромонаха Прохора Кидониса. В Москву эта рукопись была привезена в 1655 г. из афонского монастыря св. Дионисия Арсением Сухановым¹, ездившим за книгами на Афон по поручению патриарха Никона. Листы 3—20 кодекса содержат изложение взглядов Прохора Кидониса по теологическим вопросам, касающимся божественной сущности, энергии и фаворского света, листы 21—98 об. заключают указанное сочинение Иоанна Кантакузина, к коему приложены выдержки из «Слов на Преображение» Иоанна Златоуста, Афанасия Великого, Иоанна Дамаскина и Андрея Критского, а также из богословских глав Дамаскина на Пятидесятницу (лл. 99—105 об.); лист 106—106 об. — чистый; лист 107 начинается с середины фразы на четвертом пункте оглавления или конспекта из 14 пунктов (лл. 107—109); этим открывается вторая часть кодекса, в которой счет тетрадей начинается с начала и которая содержит богословский «диалог» между императором (Кантакузином) и Прохором (Кидонисом) (лл. 109—164).

Архимандрит Владимир, автор каталога греческих рукописей Синодального собрания, ошибочно отнес эту рукопись к XV в.² По водяным знакам бумага кодекса датируется 60—70 гг. XIV в.³, т. е. рукопись современна ее автору, Кантакузину (ум. в 1383 г.).

Кроме этой рукописи сейчас известно еще девять, сохранивших списки того же сочинения Кантакузина⁴. Пять из них (Paris. gr. 1241, Paris. gr. 1242, Vatic. gr. 673, Vatic. gr. 674 и Метеорская № 23) относятся к XIV в. и четыре (те же, кроме Paris. gr. 1242) писаны рукой Мануила Цикандилиса.

¹ Что явствует из надписи «Арсений ἁγ. Διονυσίου».

² Архим. В л а д и м и р. Систематическое описание рукописей Московской Синодальной (патриаршей) библиотеки, ч. I. Рукописи греческие. М., 1894, стр. 305.

³ 1. Н. П. Л и х а ч е в. Палеографическое значение бумажных водяных знаков, ч. III. Альбом снимков. СПб., 1899 (далее — Л), №№ 232—233, 907=1369 г.; Vladimir A. M o š i n i Seid M. T r a l j i ć. Vodeni znakovi XIII i XIV vijeka, I—II. Zagreb, 1957 (далее — М), № 4682=1369 г.; 2. Л 163=1369 г., М, 5861=1360—1390 (1357) гг.; 3. Л, 251—252=1375 г., М, 2346=1375 г., 2347=1376 г.; Л, 2029 = ?, М, 4205 = 1371 г., С. М. В р и ч у е т. Les filigranes. Dictionnaire historique des marques du papier, t. I—IV. Paris, 1907 (далее — Br), № 7397 = 1361 г.; 5. Л, 2122 = 70-е гг. XIV в., М, 2473 = 1366 г., Br., 3564 = 1365—1375 гг.

⁴ Это: Paris. gr. 1240, Paris. gr. 1241; Paris. gr. 1242, Paris. gr. 1247; Vatic. gr. 673 и 674, Metoch. S. Sep. 130, Μετεωροῦς (τοῦ Ρουσάνου), № 23 и Моск. синод. № 254. Э. Воордекер (E. V o o r d e c k e r s. Quelques remarques sur les prétendus «Chapitres»

(Μανουὴλ ὁ Τζουχανδόλης) на Пелопоннесе⁵, в Мистре, в промежутке между сентябрем 1369 и июнем 1370 г., когда Кантакузин гостил при дворе сына, морейского деспота Мануила. Мануил Цикандилис — известный писец сочинений Иоанна Кантакузина, Григория Паламы, античных авторов, — человек, «который служил секретарем интеллектуалов, группиравшихся вокруг Иоанна Кантакузина»⁶.

Рукопись написана двумя почерками. Один из них — почерк Мануила Цикандилиса; им написана большая часть рукописи (лл. 3—37 об., 48—138 об., 141—144 об., 157—165). Имя владельца второго почерка (лл. 38—47 об., 139—140 об., 145—156 об.) пока установить не удалось. Но его рука знакома нам по другой рукописи Синодального собрания —

№ 337 ($\frac{206}{CCVII}$), которая датируется по водяным знакам тем же временем^{6а},

посвящена той же тематике — исихастским спорам и вышла также из лагеря сторонников Григория Паламы и Иоанна Кантакузина. Есть сходство и в оформлении обеих рукописей: в подавляющем большинстве случаев в них 23 строки на странице; сигнатуры, которыми обозначаются тетради, стоят в середине нижнего поля первого и оборота последнего листа каждой тетради. Сближает эти рукописи и датировка их содержания. «Опровержения» Прохора Кидониса (Ἀντιρρήτικὰ κατὰ Προχόρου τοῦ Κιδωνίη) были написаны Кантакузином в связи с последним исихастским собором, т. е. около апреля 1368 г. № 337 содержит подборку исихастских материалов, в составе которой — три соборных определения против Варлаама п Акиндина (от августа 1341, от 1347 и от 1351 гг.). Определений собора 1368 г. нет. Можно предположить, что сборник составлен непосредственно перед этим собором по инициативе Кантакузина и написан кем-то из его окружения, кто был затем вместе с ним и Цикандилисом в Мистре.

За период с 1367 по 1369 г. из-под пера Кантакузина, несомненно, вышло три произведения: «Беседа» с легатом Павлом о проекте восьмого вселенского собора (издана И. Мейендорфом⁷), «Переписка» (изложение разговоров) с тем же Павлом на богословские темы, в которой Кантакузин убеждает Павла в правильности исихастских концепций (готовится к изданию Э. Воордекером⁸) и «Опровержения» Прохора Кидониса. Это свидетельствует о большой писательской активности экс-императора в это время. Сохранившиеся рукописи (они указаны выше) говорят также о его энергичной «издательской» деятельности в 1369—1370 гг. Более всего переписывались и распространялись «Опровержения» и «Переписка». По-видимому, и синодальная рукопись (№ 237) «Опровержения» была написана

---

théologiques» de Jean Cantacuzène. — Byz. XXXIV, 1964, p. 620—621) в числе этих рукописей называет также Vatop. 347, но это ошибка — там нет Ἀντιρρήτικὰ.

⁵ Образцы его почерка можно найти: H. O m o n t, Fac-similés des manuscrits grecs datée de la Bibliothèque Nationale du IXe au XIVe siècle. Paris, 1891, №№ 87—88, 93; A. T u r y n. Codices Graeci Vaticani saecules XIII et XIV scripti anorumque instructi. In civitate Vaticana, 1964, tab. 140, 142.

⁶ J. M e y e n d o r f f. Introduction à l'étude de Grégoire Palamas. Paris, 1959, p. 331.

^{6а} 1. M, 4414 = 1373 г.; Л, 2040—2042 = 1360—1375 гг.; 2. Вр, 11669 = 1364—1366 гг.; М, 6284 = 1364 г.; 3. Вр, 3230 = 1367 г.; М, 2160 = 1367 (1360—1380) г., 2161 = 1360—1370 гг., 2162 = 1360—1380 гг.; Л, 2082 = 1360—1380 гг. 4. Вр, 702 = 1362 г.; М, 197 = 1325—1328 гг. Арх. Владимир «омолодил» целый ряд греческих рукописей XIV в. «исихастского» содержания. Помимо упомянутых кодексов, отнесенных им к XV в., можно назвать: № 257 (164), Сочинения патр. Филофея (по Влад. — XV в.); № 212 (69), Сочинения Гр. Паламы (по Влад. — XV в.); № 241 (389), Сочинения Нила Кавасилы (по Влад. — XV в.); № 394 (293), Жития (по Влад. — XVI в.); № 431 (349), Сочинения патр. Филофея (по Влад. — XV и XVI в.); № 236 (290), Polemический сборник (по Влад. — XV—XVII вв.). Более подробно об этих рукописях я надеюсь написать особо.

⁷ J. M e y e n d o r f f. Projets de concile oecuménique en 1367. Un dialogue inédit entre Jean Cantacuzène et le légat Paul. — DOP, 14, 1960, p. 149—177.

⁸ E. V o o r d e k e r s. Op. cit., p. 619—620.

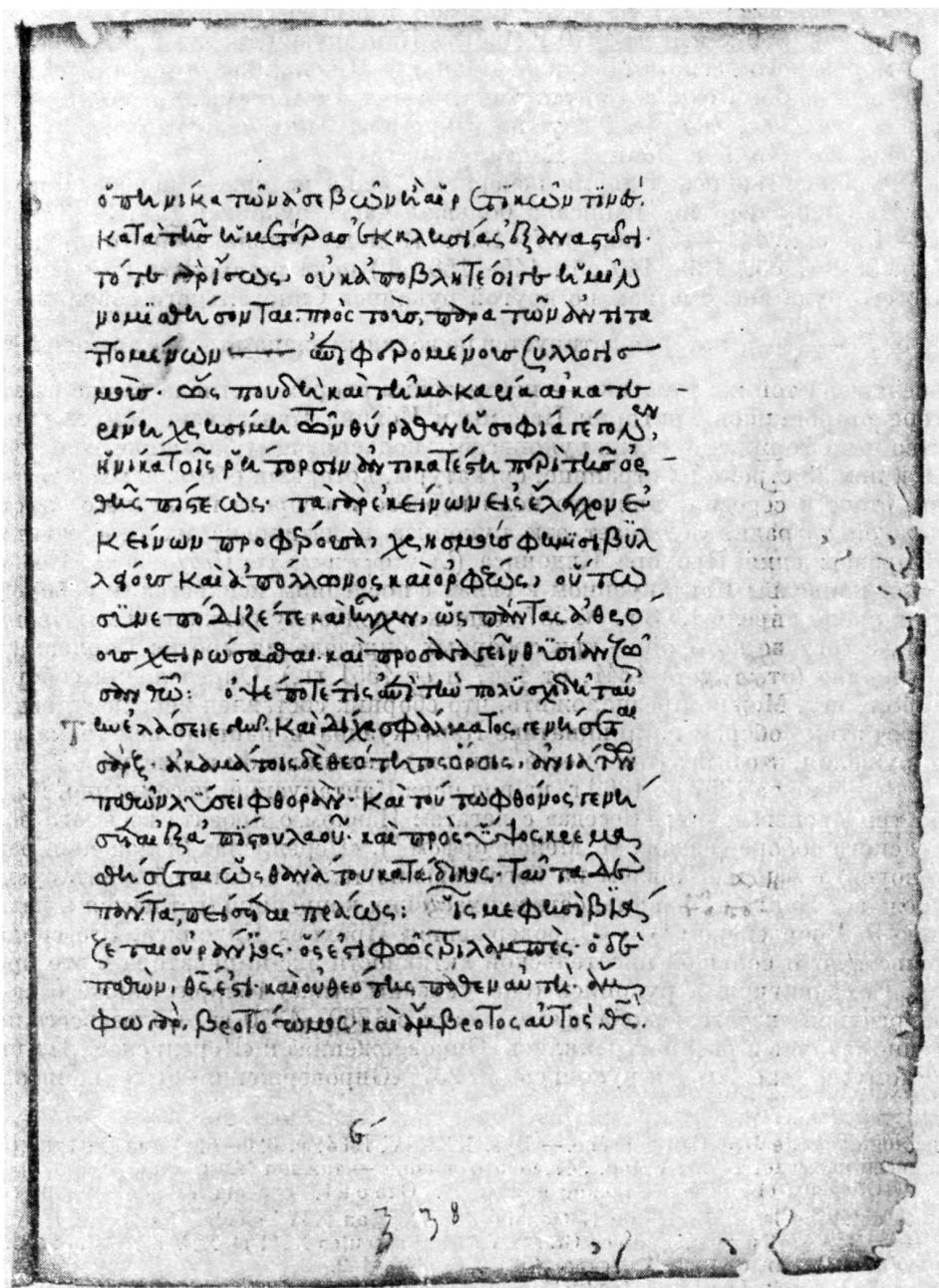

Рис. 1. Лист 38 из Московской Синодальной греческой рукописи № 223 (143 IV).
Второй почерк.

Цикандилисом тогда же. Датировка филиграней этому не противоречит. Но цель «Опровержений» была достигнута, казалось бы, уже в апреле 1368 г., когда собор патриарха Филофея лишил Прохора Кидониса священнического сана и предал его за латинофильские взгляды анафеме⁹. Зачем же нужно было Кантакузину многократно «издавать» свое сочине-

⁹ См. PG, t. CLI, col. 693—716.

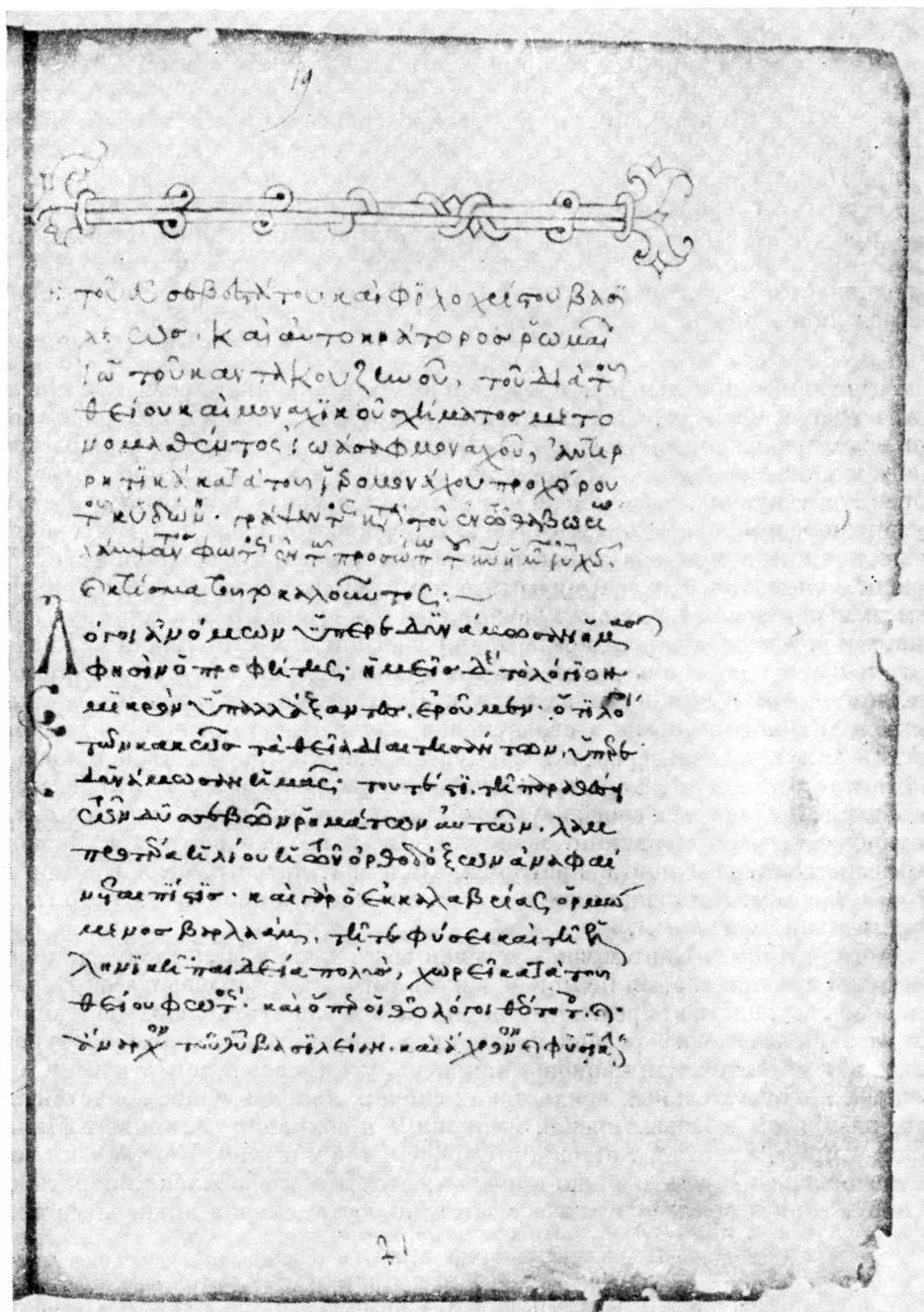

Рис. 2. Лист 21 из Московской Синодальной греческой рукописи № 233 (143 IV).
Начало «Провержений». Почерк Манупла Цикандилиса.

ние после собора? Очевидно, как и «Переписка», оно было рассчитано на широкую публику и, несмотря на отвлеченный богословский сюжет, имело важный для современников публицистический смысл.

В августе 1369 г. императр Иоанн V Палеолог, зять Кантакузина, прибыл в Рим к папе Урбану V для подписания символа унии. Сентябрем этого года датирована первая из сохранившихся рукописей (Paris. gr. 1241), переписанных Цикандилисом в Мистре. (Весьма вероятно, что Кантаку-

зин со своим окружением прибыл на Пелопоннес из Константинополя на том же корабле, который вез Палеолога с его свитой в Италию, в Неаполь.) Не может быть сомнений, что размножение проихастских произведений Кантакузина и их распространение (если верить Дмитрию Кидонису) вплоть до таких отдаленных районов, как Малая Азия, Кипр, Палестина, Египет, Трапезунд, Херсон¹⁰, имело целью укрепление верности греков и не греков православию и должно рассматриваться как противодействие политике Иоанна V Палеолога, давно стремившегося — в расчете на военную помощь западных государств против турок — к подчинению Византии церковной власти римского папы и теперь решившегося лично признать эту власть.

Художник-миниатюрист, современник Кантакузина, создал в числе иллюстраций Paris. gr. 1242 его двойной портрет: на одном фоне, рядом, он поместил изображение Иоанна VI Кантакузина-императора и Иоасафа Кантакузина-монаха¹¹. Художник таким способом удачно передал образ Кантакузина, а не только его облик, ибо монах и политик в Кантакузине неразрывны. «Этот замечательный император издавна был одержим божественным стремлением и страстным влечением к отшельничеству»¹², православием и апостольскими и отеческими догматами он гордился больше, чем императорской короной и багрянницей¹³, — писал о нем его друг патриарх Филофей. Однажды, когда Иоанн VI Кантакузин и Иоанн V Палеолог, в период их совместного правления, заглянули в келью старца отшельника, тот будто бы обратился к Кантакузину со словами — «отец игумен!», а вскоре после этого прислал ему в Константинополь сухарь, чеснок и лук, велел передать: «ты будешь монахом, и вот твоя пища!»¹⁴ В Кантакузине-императоре современники видели монаха. И это не мудрено: «с самого начала своей карьеры Кантакузин был тесно связан с антилатинскими, монастырскими, исихастскими и вообще ведущими церковными кругами, особенно с Григорием Паламой, который стал во многом его alter ego»¹⁵. Концепция исихазма стала неотъемлемой частью его государственной программы.

Когда в 1354 г. Кантакузин, уступая восставшему Палеологу, покидал трон для монашества, он не мог не видеть того, что распадающееся Византийское государство обречено и уже не может защитить своих подданных ни от экономического разбоя итальянцев, ни от военного разбоя турок, тогда как византийская церковь, напротив, усилилась и догматически окрепла в ходе длительных исихастских споров, являясь наиболее устойчивым элементом в Византийской империи¹⁶ и сохраняя влияние в Малой Азии, Сирии, Египте и Восточной Европе. Став монахом, Кантакузин вовсе не порвал с двором — он по-прежнему открыто именовался императором и продолжал и свою политическую деятельность, сменив лишь ее методы.

¹⁰ G. Mercati. Notizie di Procoro e Demetrio Cidone Manuele Caleca e Teodoro Meliteniote ad altri appunti per la storia della teologia e della letteratura bizantina del secolo XIV. — «Studi e Testi», 56. Città del Vaticano, 1931, p. 340.

¹¹ Воспроизведение см.: A. Grabar. Byzantine painting, ed Skira, s. 1., 1953, p. 184.

¹² Φιλοθέου πρὸς τὸν φιλόσοφον Γρηγόριον λόγος ἀντιβήτικὸς τῆς (Порфирий Успенский. История Афона, III. Афон монашеский, 2. СПб., 1892, № 50, стр. 849, а также PG, t. 151, col. 1128).

¹³ Φιλοθέου λόγος ἱστορικὸς εἰς τὴν παρὰ τῶν Λατίνων γενοῦσαν πολιτορίαν καὶ ἄλλων τῆς Ἑρακλείας. — «Συλλογὴ Ἑλληνικῶν ἀνεκδότων». Ἐπιστολίαι Κ. Τριανταφύλλου καὶ Ἀ. Γραμππούτου, τόμος Α', τεύχος Α'. Ἐν Βενετία, 1874, σελ. 8.

¹⁴ Феофан. Житие Максима Кавсокаливита. — «Афонский Патерик», I. М., 1897, стр. 49.

¹⁵ C. P. Kyrris. John Cantacuzenus and the Genoese 1321—1348. — «Miscellanea storica ligure», III. Milano, 1961, p. 22.

¹⁶ Cp. G. Ostrogorsky. History of the Byzantine State. New Brunswick — New Jersey, 1957, p. 433—434.

Если прежде его политика служила богословию, то теперь посредством богословия он проводил свою политику.

Объединение индивидуального подвига с общественной деятельностью произошло в исихазме, по-видимому, в 30-е гг. XIV в. Некоторые жития содержат рассказы о том, как люди, «спасавшиеся от мира», стали поворачивать обратно к миру — с целью его «спасения». Мистические повеления учить людей тому, чего они достигли сами, получили, согласно их житиям, Григорий Палама¹⁷ и Максим Кавсокалит¹⁸. Максиму велел выступать «пред человеки, а не пред пустынными скалами» и такой видный исихаст, как Григорий Синаит¹⁹.

Сначала аудитория новых проповедников ограничивалась монашескими кругами, но в ходе споров с Варлаамом и Акиндином их голос звучал по всей стране. Резко расширился и контингент их слушателей²⁰. Во времена, когда «церковная догма была исходным моментом и основой всякого мышления»²¹, исихазм не мог не вобрать в себя многих общественных тенденций, не мог не стать активным общественным движением. И нет ничего удивительного в том, что исихазм оказывал огромное влияние на политику и сам в какой-то мере стал политическим течением.

В гражданской войне 1341—1347 гг. большинство монахов-исихастов поддерживало Кантакузина, считая его, как и будущий патриарх Филофей, «истинным предстоятелем и защитником церкви»²². Весьма показательна также политическая позиция, которую твердо занял такой признанный вождь исихастов, как Григорий Палама. Именно стремление сохранить верность православию позволило ему, как говорит И. Мейендорф, «принять по отношению к завоевателям туркам относительно примирительную позицию — в той мере, в какой они предоставляли христианам религиозную свободу. Будучи психологически готов принять падение Византийского государства, он был далек от того, чтобы занять по отношению к нему чисто фаталистическую позицию: пока это государство существовало, надо было его поддерживать и защищать его единство и его традиционное православие»²³. Коротко, эта позиция сводилась к следующему: предпочитать то, что меньше угрожало православию, и защищать тех, кто защищал православие. Практически в то время это означало: считать турок меньшим злом, чем латиняне, и поддерживать Кантакузина, которому Григорий и оставался открыто верен до самого конца. Именно за «канта-

¹⁷ Φιλοθέου ὁ λόγος ἐγκωμιαστικὸς εἰς τὸν Γρηγόριον τὸν Παλαμᾶν. — PG, t. CLI, col. 580.

¹⁸ «Афонский Патерик», I, стр. 38.

¹⁹ Там же, стр. 46.

²⁰ «Ты не хочешь монахом беззаботно довериться мне, — говорит под пером Григория Паламы персонифицированная Благодать, — ... Не хочешь этого? И с целомудренной супругой, любимой тобой, я приветствую тебя и принимаю насколько не хуже... Ты, пожалуй, боишься бедности и простоты (монашеской) жизни, тяжести поста, суровости иного лишения, стесненности во всем житье, необычности уклада, не можешь жить вне города, без домашнего очага, нестяжательным? Живи в своем городе, считая своим какой хочешь; имей жилище, соответствующее характеру климата, имей пропитание и одежду и будь этим доволен. Я не понуждаю тебя сурово отрешиться от всего против воли: стремись к одному только необходимому и не предавайся стяжательству» (Λόγος ἐπιστολιμαῖος πρὸς Ἰωάννην καὶ Θεόδωρον. — Св. Григория Паламы, митрополита Солунского, житворения, доселе не бывшие изданными, изд. еп. Арсений. Новгород, 1895, стр. 16). Еще резче эта тенденция выражена у Николая Кавасилы: «и искусствами можно пользоваться без вреда, и к занятию какому-либо нет никакого препятствия. и полководец может начальствовать войсками, и земледелец возделывать землю, и правитель управлять делами...» (Семь слов о жизни во Христе. М., 1874, стр. 136).

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 21, стр. 495.

²² Φιλοθέου ὁ λόγος ἐγκωμιαστικὸς... PG, t. CLI, col. 603 (цитирую в переводе иером. Антония. — «Житие и подвиги св. Григория Паламы, архиепископа Фессалоникского». Одесса, 1889, стр. 73).

²³ J. Me y e n d o r f f. Introduction à l'étude de Grégoire Palamas. Paris, 1959, p. 170.

кузинизм» он почти четыре года просидел в тюрьме. три года дожидаясь возможности занять свою кафедру в Фессалонике и испытал много других невзгод.

С течением времени отставной император-монах Кантакузин не терял, а, напротив, увеличивал свой общественный вес, посвятив себя литературной деятельности. В четырех талантливых исторических книгах он оправдывал свою прошлую политическую деятельность, в богословских трудах — защищал и пропагандировал взгляды Паламы. В словах Филофея о росте его авторитета, по-видимому, есть доля правды: «И тогда (т. е. до отречения. — Г. П.) подданные и подчиненные чтили его как своего властелина, [хотя] может быть и не все искренне... — ныне же почти все чистосердечно с подобающей доброжелательностью и любовью [чтят его], а прежде всех и больше всех императоры и императрицы...»²⁴

В июне 1367 г. император Иоанн V Палеолог просил именно Кантакузина вести от имени Византии переговоры с папским легатом Павлом об унии. Очевидно, Кантакузин был главным лицом, сопротивление которого принятию папских условий (сначала подчинение, а потом помощь) хотели сломить император и легат. Последний прямо и грубовато говорил ему: «ты подобен вертелу, на котором все, как куски мяса, висят; и если ты сдвинешься, и они вместе с тобой повернутся» (см. Приложение — «Беседа», § 14).

Кантакузин видел для страны выход «либо в немедленном союзе с турками, либо в крестовом походе православных народов, который его друг Филофей старался организовать»²⁵. Объединение с католическим миром, заявил он Павлу, может быть только дружеским, равноправным, на основе нового вселенского собора, на котором присутствовали бы представители всех православных патриархатов и митрополий, а не выражаться в подчинении одних другим (§§ 10, 25).

Павел вынужден был принять выдвинутое Кантакузином условие — собор. Патриарх Филофей тут же разослал приглашения. Болгарскому патриарху он писал: «...мы вовсе не хотим поступиться ни одним словом, ни одной черточкой» своих догматов, «...ведь для того мы так договорились с папскими представителями, чтобы, если на соборе окажется наше... мнение сильнее латинского, они пришли [в единомыслие] с нами и согласились с тем, что мы говорим. Смело полагаемся на Бога, что так и будет...»²⁶ Таким образом, партия Кантакузина и Филофея, как впоследствии православная партия на Флорентийском соборе, «считала возможным заключение унии только на базе догматической капитуляции католичества»²⁷. Исихасты, победив внутри Византии и проводя отныне собственную международную политику (в частности, в отношении Руси), бросали теперь папству вызов на идеологический поединок.

Турки к этому времени (1367 г.) уже взяли Дидимотику, Адрианополь и Филиппополь. Адрианополь уже два года был их столицей. Но ни экономический гнет, ни религиозная нетерпимость турок, конечно, не могли сравняться с соответствующими тенденциями политики латинян, от которых, по словам Филофея, ромеи претерпевали «наиболее оскорбительные и страшные из всех [своих бед]»²⁸ и которые, относясь к грекам «не как друзья и братья, а наставнически, самовластно и как если бы вы, — говорил Кантакузин Павлу, — были господами» («Беседа», § 8), становятся врагами греков «не только в отношении тел и добра, но и по отношению

²⁴ Φιλοθέου πρὸς τὸν φιλόσοφον Γρηγορᾶν λόγος — Порфирий Успенский. — Указ. соч., стр. 850.

²⁵ J. Meuschen d'orff. Projets..., p. 151.

²⁶ PG, t. CLII, col. 1411—1412.

²⁷ З. В. Удалецова. Борьба византийских партий на Флорентийском соборе и роль Виссарiona Никейского в заключении унии. — ВВ, III, 1950, стр. 115.

²⁸ τὰ πίντων ἀσχίστα καὶ δεινότατα. — Φιλοθέου λόγος ἱστορικός..., σελ. 11.

к самим душам...» (там же, § 12). Вполне ясно, что имеет в виду Кантакузин, цитируя евангелиста Матфея: «Не бойтесь убивающих тело души же не могущих убить» (там же, § 22). Турки лишь грабили и сокрушали «Империю Ромеев», государство Палеологов, которым многие греки в то время, кажется, мало дорожили: немало фракийских архонтов после отречения Кантакузина «предпочли турецкую власть правительству Палеолога, чем облегчили утверждение турок во Фракии»²⁹. Кантакузин говорил Павлу, что «некоторые из здешних туда (т. е. к туркам.— Г. П.) перебегают, некоторые же, не имея возможности это сделать легко, пребывают здесь против своей воли» (там же, § 23)³⁰. Латинян, очевидно, подавляющее большинство греков боялось гораздо больше, чем турок. В такой ситуации исихасты старались спасти то, что еще можно было спасти: сохранить основы культурной и духовной жизни, общие и грекам, и болгарам, и сербам, и грузинам, и русским.

Папство в то время не было склонно к диспуту с греками: оно рассчитывало, что лучшим аргументом в его пользу будет турецкая сабля. Не был заинтересован в соборе и Палеолог: ему нужна была военная помощь для спасения государства, а не торжество исихазма. Тайно он обещал легату Павлу и графу Амедею Савойскому, своему дяде по матери, что в скором времени лично сам явится с изъявлением покорности к папе. В залог исполнения обещания он доверил легату сумму в 20 000 флоринов и драгоценности³¹.

Осенью 1367 г. в Византию пришли ответные письма от папы Урбана V. Папа ни словом не обмолвился о проекте собора, а только хвалил адресатов за намерение «вернуть греков к единству римской и всемирной церкви» и требовал от Кантакузина, который «может сделать для унии больше, чем кто бы то ни было, если не больше, чем император», убедить Иоанна V, согласно обещанию, прибыть к апостольскому престолу³². Двойная игра императора была разоблачена.

В поддержку политики императора выступали братья Кидонисы: Димитрий, уже перешедший в католицизм, доказывал необходимость — ради, помощи Запада — подчиниться папе³³, монах Прохор сначала на Афоне, а затем в Константинополе начал письменно и устно выступать против исихастов³⁴.

На выступление Прохора Кидониса Кантакузин ответил «Опровержениями».

Церковный собор, состоявшийся в апреле 1368 г., не только осудил латинофильские взгляды Прохора Кидониса, лишил его сана и предал анафеме, но причислил Григория Паламу, на учение которого Прохор нападал, к лику святых, постановив ежегодно праздновать его память. Этот собор, в отличие от прежних, не был созван императором³⁵: патриарх Филофей, поддерживаемый Кантакузином, действовал независимо и в направлении, противоположном не только политике императора, но и политике определенной церковной группировки, во главе которой, по-видимому, стоял игумен столичного монастыря τῶν Ὁδηγῶν, епископ Тирский,

²⁹ Ф. И. Успенский. История Византийской империи, т. III, М.—Л., 1948, стр. 748.

³⁰ Τινὲς δὲ τῶν ἐνταῦθα, οἱ μὲν ἐκείσε' αὐτομολοῦσιν, οἱ δὲ μὴ εἶοντες εὐκόλως τοῦτο ποιῆσαι προσημένουςιν ὄδῃ καὶ μὴ βουλόμενοι (ср. J. M e u e n d o r f f. Projets..., p. 176).

³¹ Ibid., p. 160.

³² Ibid., p. 152, 161.

³³ См. K. K r u m b a c h e r. Geschichte der Byzantinischen Litteratur von Justinian bis zum Ende der Oströmischen Reiches, 527—1453. München, 1897, S. 488; R. J. L o e n e r t z. Les recueils de lettres de Démétrius Cydonès.— «Studi e Testi», 131. Città del Vaticano, 1947, p. 111.

³⁴ См. G. M e r c a t i. Op cit., p. 47—49.

³⁵ Под соборным определением нет подписи императора (см. PG, t. CLI, col. 715—716).

о чем свидетельствует написанный им примерно в это время ³⁶ проект антиохийских определений, подвергающих анафеме паламитов. Кантакузин, надо думать, имел в виду именно этих людей, когда писал в предисловии к «Опровержениям», что «уже в четвертый раз поднялись некие и подобно предыдущим высказали кощунственные слова о божьем свете». Совпадение активизации деятельности антипаламитов с подготовкой поездки Иоанна Палеолога в Рим вряд ли может быть случайным. О шатком в это время положении исихастов в столице может свидетельствовать и тот факт, что патриарх Филофей вынужден был прибегнуть к хитрости, чтобы заманить Прохора на одно заседание собора, но не смог побудить того явиться на остальные ³⁷. Момент, видимо, был критическим.

В сентябре 1368 (6877) г. вернулись в Византию от папы два греческих посла, после чего Иоанн V должен был ехать в Рим. Надежда на созыв вселенского собора еще теплилась, и потому Кантакузин приложил все силы к тому, чтобы «обратить» в исихазм и Павла, ведя с ним богословские разговоры ³⁸, пока Павел в августе 1369 г. не выбыл из Константинополя с вестью к Урбану V о скором прибытии Иоанна V. Разговоры с Павлом были выпущены Кантакузином в свет в виде переписки ³⁹, когда, удалившись в Мистру, он занялся издательской деятельностью.

18 октября 1369 г. Иоанн V Палеолог в Риме торжественно подписал символ унии. Но с ним не было ни одного священника ⁴⁰, а это означало, что практически дело подчинения «схизматиков» осталось в прежнем положении. Подданные императора продолжали держать сторону экс-императора и патриарха.

Помимо дальнейшего развития самих событий, ряд документов ясно свидетельствует, на чьей стороне осталась тогда моральная победа. В апреле 1369 г. некий монах Феодорит, который «был отлучен от церкви и уходил к латинянам», письменно порицал критиков исихазма и латинские обычаи ⁴¹. В июне того же года подобным образом поступили братья Хлор, Димитрий и Даниил ⁴². В октябре оправдывался и порицал «западников» монах Нифон ⁴³, а в июне 1370 г. — некий Филипп Ламелин ⁴⁴. В мае 1371 г. «отбрасывает нечестие» иеромонах Симеон ⁴⁵, в октябре заявляет о непричастности к варлаамитам Ксенофонт ⁴⁶...

В 1370 г. папа официально отверг идею собора, так как бесплодные дискуссии, заявил он, могут набросить тень сомнения на доктрины, уже одобренные римской церковью ⁴⁷. Последние надежды на возможность дружеского союза с Западом против турок должны были рухнуть.

³⁶ В этом проекте сказано, что борьба между Варлаамом и Паламой началась почти тридцать лет назад (πρὸ χρόνων δ' ἑτῶν τριάκοντα — G. Mercati. Op. cit., p. 210, n. 2; p. 213—214). Меркати, отправляясь от 1339 г., датирует документ 1369—70 гг. Представляется, однако, что 1368 г. больше соответствует данным источника.

³⁷ G. Mercati. Op. cit., p. 49—51.

³⁸ Л. Максимович в недавно вышедшей работе [Л. Максимович. Политичка улога Гована Кантакузина после абдикације (1354—1383). — ЗРВИ, IX, 1966, стр. 161—162] доказывает, что эта дискуссия состоялась в 1366 г. Согласиться с ним не позволяет ясное указание самого Кантакузина, что разговоры с Павлом велись им после вторичного прибытия того в Константинополь в начале 6877 г., т. е. после сентября 1368 г. См. ниже перевод предисловия к «Переписке».

³⁹ Перечень девяти сохранившихся списков «Переписки» см.: E. Voordeskers. Op. cit., p. 620.

⁴⁰ G. Ostrogorsky. Op. cit., p. 480.

⁴¹ F. Miklošich, I. Müller. Acta Patriarchatus Constantinopolitani. MCCCXV—MCCCII, t. I. Vindobonae, 1860, p. 501.

⁴² Ibid., p. 503.

⁴³ Ibid., p. 530.

⁴⁴ Ibid., p. 506.

⁴⁵ Ibid., p. 568.

⁴⁶ Ibid., p. 574.

⁴⁷ J. Meyendorff. Projets..., p. 161. В 1347 г. новгородцы отказались обсуждать вопросы веры с католиками шведами, предложив им обратиться в Византию. Шведы вызывали новгородцев на такой диспут перед тем, как пойти на них войной.

Иоанн Палеолог вернулся в Византию только через два года, с трудом выбравшись из венецианской долговой тюрьмы. Тогда же вернулся в Константинополь из Морей, от своего сына, и Иоанн Кантакузин. От неприятностей, которые для бессильного императора могли последовать от поданных за измену православию, спас несчастного Палеолога, надо думать, его авторитетный тесть ⁴³, который неумоимо продолжал свою деятельность: теперь он заботился о состоянии умов на Кипре ⁴⁹.

Таким образом, выступление Кантакузина с «Опровержениями» против Прохора Кидониса можно рассматривать как эпизод внутренней борьбы в Византии, в которой император из династии Палеологов снова потерпел неудачу ⁵⁰. Полное, теперь моральное поражение понесло и государство Палеологов. В дальнейшем церковь уже не имела опоры в государстве, а, напротив, сама его поддерживала ⁵¹, но лишь в той мере, в какой политика этого государства не причиняла ущерба православию.

С этой поры вплоть до падения Константинополя Палеологи, будучи не в силах изменить свою традиционную политику, все более утрачивали реальную власть над греческим народом. Обретали же ее турки и православная церковь. В статуте Османской империи фактическое положение вещей было лишь закреплено юридически.

Р. С. Уже после того, как статья была сдана в печать, я получил, наконец, микрофильмы интересующих меня частей Paris. gr. 1241 и Paris. gr. 1242. Считаю необходимым добавить некоторые замечания относительно публикуемого мной предисловия к «Опровержениям» Прохора Кидониса.

1) Парижские рукописи дружно дают единственное по сравнению с московской разнотечие. В последней фразе на листе 21 об., в московской рукописи: ... *потè μεν ... потè ... потè ...*; в парижских же: ... *...οί μὲν... οί δὲ... οί δέ... οί δέ...* Различие в смысле состоит в следующем. Согласно московской рукописи: «и то называют их творениями, то сотворенными и несотворенными, то ни несотворенными, ни сотворенными». Согласно парижским: «и одни называют их творениями, другие сотворенными и несотворенными, третьи ни несотворенными, ни сотворенными».

2) В Paris. gr. 1242 то, что мы назвали Предисловием к «Опровержениям», направленным против Прохора Кидониса, помещено на лл. 6—8 об. отдельно, без самих «Опровержений». Это еще раз убеждает нас в правомерности отдельной публикации данного текста. Кроме того, здесь есть разбивка на абзацы; приятно было убедиться, что она близка к той, которую я дал в переводе. Далее в этой рукописи (с л. 9) следует сочинение Иоанна Кантакузина против Исаака Аргири; кто-то из читателей счел Предисловие к «Опровержениям» предисловием к этому сочинению, зачеркнул имя Прохора Кидониса, выскоблил «иеро» из слова «иеромонаха» и вписал туда «Исаак».

(См. John L. I. Fennell. The Campaign of Magnus Eriksson against Novgorod in 1348: an Examination of the Sources. — «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas». Neue Folge, Bd. 14, H. 1, März 1966. Wiesbaden, S. 1—9). Теперь же Византия получила отказ от католиков.

⁴⁸ Ср. J. Meendorff. Projets..., p. 151—152.

⁴⁹ Письмо Иоанна Кантакузина епископу Иоанну на Кипр, перевод которого предлагается нами в конце публикации, датировано 1371 г. (J. Darrouzès. Lettre inédite de Jean Cantacuzène relative à la controverse palamite. — REB, XVII, 1959, p. 7—12, 50).

⁵⁰ Не могу согласиться с мнением Л. Максимовича (Л. Максимович. Политичка улога..., стр. 180), что религиозная капитуляция Иоанна V в Риме была тяжелым ударом по престижу и политике Кантакузина. Мне кажется, напротив, Кантакузин и патриарх Филофей в 1367—1370 гг. одержали победу и сумели отстоять и укрепить позиции исихастской церкви в стране. Поражение же потерпела и внешняя, и внутренняя политика Иоанна V Палеолога.

⁵¹ Ср. G. Ostrogorsky. Op. cit., p. 492.

3) Почерк Paris. gr. 1241 (т. е. почерк Мануила Цикандилиса) оказался полностью тождественным с первым почерком московской синодальной рукописи № 233.

Ниже прилагаются:

- 1) Беседа Кантакузина с легатом Павлом (в июне 1367 г.);
- 2) Предисловие Кантакузина к «Опровержениям», направленным против Прохора Кидониса (между ноябрем 1367 г. и апрелем 1368 г.);
- 3) Предисловие к «Переписке» Кантакузина с легатом Павлом (в промежутке между сентябрем 1368 и августом 1369 г.);
- 4) Письмо Кантакузина епископу Иоанну на Кипр (1371 г.).

Г. Прохоров

Беседа, которую вел император Кантакузин в икне месяце пятого индикта шесть тысяч восемьсот семьдесят пятого года с господином Павлом, который пришел от папы вместе с графом Савойским и который, являясь митрополитом Фив, назван теперь папой патриархом Константинополя*.

1. Император Палеолог, придя из Венгрии, и граф Савойский, который вместе с господином Павлом, прежде бывшим митрополитом Фив, ныне же наименованным папой патриархом Константинополя, пришел из той страны¹, встретились в Созополе. Здесь и был поставлен ими, т. е. графом и Павлом, вопрос о единстве церквей. Император ответил им так:

«Я один ничего не могу сказать об этом; разве только, когда мы вернемся в Константинополь, ибо там находится мой отец-император и пребывает патриарх, и его собор выслушает то, что вы говорите; мы все вместе дадим вам на это ответ».

2. По прибытии их в Константинополь, когда Павел захотел и старался увидаться и обсудить с патриархом вопрос о церкви, тот не пожелал [этого], сказав: «Как могу я при соборе видаться с ним и обсуждать какие бы то ни было вопросы о церкви, когда он не принес с собой письма от папы? Но если он хочет побеседовать [со мной] дружески, один на один, я уступаю ему и соглашаюсь».

Графу и Павлу это показалось в высшей степени удручающим и как бы знаком некоторого презрения, так что последний стал решительным образом требовать ответа на эти вопросы. Поскольку же император Палеолог, патриарх и ахиереи просили императора Кантакузина, чтобы он с этой целью встретился [с ним] и побеседовал, он взялся вести этот спор сам. В назначенный день вместе с ним прибыли во Влахернские палаты его сын император Палеолог, его дочь деспина госпожа Елена, император господин Андроник и деспот господин Мануил, их дети, еще же некоторые из архонтов и его духовный отец господин Марк, а также три архиерея — Эфесский, Гераклеяский и Адрианопольский — с другими избранными церковными архонтами; вошел и Павел и, сотворив обычное приветствие, сел.

3. И после того, как [все] расселись, император Кантакузин спросил его: «Каковы твои воля и желание и чего ты добиваешься?» Тот ответил: «Единства церкви». Император ему: «Ты стремишься к хорошему и богоугодному делу, но каким путем: силы и самовластия или убеждения, истины и церковного общения и постановления?» Тот: «Путем убеждения и истины и согласно церковному установлению и порядку».

---

* Перевод сделан с греческого текста, изданного И. Мейендорфом по рукописи Lavra A 135 (J. M e y e n d o r f f. Projets de concile oecuménique en 1367. Un dialogue inédit entre Jean Cantacuzène et le légat Paul. — DOP, 14, 1960, p. 169—177).

¹ Т. е. из Италии.

4. И император, возблагодарив Бога и его за его мнение и ответ, сказал следующее:

«Люди, не сохранив божественную заповедь мира, предались чудовищным страстям и делам и разделились: одни из них стали врагами христиан и присущего им по душе и телу, каковыми являются нечестивые и последователи Магомета, другие же — врагами их добра, а иногда и тел, каковыми являются единоверные нам и придерживающиеся церкви, т. е. болгары, сербы и им подобные, — ведь стоит им захотеть разграбить [наше] добро, как отсюда начинаются войны, и по необходимости за ними следуют телесные смерти. Но есть и иные, кажущиеся друг другу друзьями; они — единоплеменники, но забыли об этом и являются врагами тех, кто имеет с ними дело; ведь если кто-нибудь, обманув, сможет получить от другого что-либо, стоящее много денег, дав взамен немного, то не считает, что приобрел это хищнически, обманно и чуть ли не путем воровства, но радуется, как будто совершил какое-нибудь доброе дело, а в итоге постепенно становится врагом другого.

5. Так обстоит дело с врагами, с друзьями же дело обстоит следующим образом.

Оказываются ведь друзьями [люди], которые, сойдясь из разных стран и земель, относятся друг к другу по-дружески, как мы — ведь ты из Калабрии (ибо тот был калабриец [родом]), а я из здешних. Есть опять же люди, ставшие друзьями: одни — из разных городов, другие — из одного отечества и рода. И еще третьи есть, которые еще роднее этих, например отец с сыном и брат с братом. А жена со своим мужем — не только друзья, но и плоть одна². Но ни одна дружба, ни одно самое полное соединение из тех, что я перечислил, не может сравниться с духовным единением и любовью церкви. Да что я говорю о многих?! Даже отдельный человек, даже индивидуум не может сам по себе быть цельным и единым так, как духовный человек, т. е. церковь, ибо именно церковь есть тело Господне, голова коего — Христос.

6. И поэтому тот, кто хочет расколоть церковь, раскалывает само тело Господне и сам есть распявший Господа и проткнувший бок его копием. Я того в первую очередь приравниваю к распявшему Его, кто вызвал этот нынешний раскол. Но я сказал бы, что и тот, кто может соединить церковь, но не сделал этого либо из-за собственного пристрастия, либо по какой бы то ни было причине, не лучше первого, и что про этого человека можно сказать, что даже кровавый мученический венец не освободит его от кары; ведь на моей стороне сказавший: «Если и страдает кто, не венчается, если не законно страдать будет»³. Я утверждаю, что не только из-за множества людей, которых спас Христос, промысел воплощения его совершился, но и будь в мире всего только один человек — только ради него одного он воплотился бы и страдал, чтобы спасти его. Итак, если бы я не понимал, сколь великим злом является [разделение церкви], то кара божия мне была бы умеренной, но поскольку я точно и отчетливо знаю, сколько добра может принести единство и сколько зла [приносит] раскол церкви, то, если только есть у нас возможность достигнуть этого единства и оно не будет достигнуто, не знаю, как я вынесу достойную кару. Я говорю это, свидетельствуя перед Богом и его избранными ангелами, что, ниспосли он мне смерть в огне ради единства церкви, я бы сам, собрав дрова, зажег их и вошел бы в огонь с большим желанием и рвением.

7. И не говори мне, что я говорю это просто потому, что желаю, чтобы Римская церковь присоединилась к нашей; ибо, с одной стороны, я уверен, что [именно] наша церковь правильно мыслит, — как сам Христос научил и его ученики и апостолы, — и готов десять тысяч раз умирать за это; это

² Бытие, II, 24.

³ II Тим., II, 5.

совершенно ясно, и вы, как и мы, ничего против этого не имеете. [Но], с другой стороны, свидетельствуя, что наши мнения хороши и правильны, вы считаете еще, что и ваши правильны, поскольку они не являются противоречащими тому, что думаем и говорим мы. Потому-то я и говорю, что с готовностью предаю свое тело сожжению, чтобы выяснить и обнаружить перед Богом и людьми подлинно обнаженную истину, если только есть истина в том, что вы говорите. Ведь мы в это не верим.

8. Так вот, поскольку дела и истина находятся в таком состоянии, ни один человек — ни из нашей церкви, ни из Римской — не сможет сказать, что стремится к единству больше меня. Ибо едва ли не с той поры, как на свет появился и увидел солнце, я охвачен стремлением и желанием увидеть единство церкви. Не случилось же этого, я полагаю, потому, что все время — с того момента, как разделение церкви сделалось всеобщим, и доныне — вы подходите к вопросу объединения не как друзья и братья, а наставнически, самовластно и как если бы вы были господами, заявляя, что ни мы, ни вообще кто-либо из людей, не может иметь взгляды отличные от того и противоречащие тому, что папа говорит или же скажет, поскольку он является наследником Петра и говорит то же самое, что и Христос, но что мы должны выслушивать его слова, склоняя сердца и головы, как если бы они исходили от самого Христа.

9. Так вот, знай, архиерей, что пока подобное мнение держит у вас верх, воссоединить церковь невозможно. Но если ты хочешь, чтобы была общая польза, послушайся моего совета и не сочти меня человеком гордым и хвастливым. Мы, полководцы, когда собираемся выступить в поход и вторгнуться в землю наших врагов, следуем не только своему мнению, но пользуемся и советами солдат, находящихся на границе, которых мы зовем глазами войска, и хотя по знаниям очень от них отличаемся, принимаем их мнение — как специалистов и людей, имеющих сведения о прилегающих к границе районах. Поскольку я опытнее тебя в здешних делах, прими мой совет. Состоит он в следующем.

10. А именно: надо, чтобы состоялся католический и вселенский собор, на который собрался бы в Константинополь архиереи, находящиеся под властью вселенского патриарха — и те, которые близко, и те, которые далеко пребывают, как-то: [митрополит] России с несколькими его епископами, [митрополиты] Трапезунда, Алании, Зикхий⁴, также другие патриархи: Александрии, Антиохии и Иерусалима, а кроме того — католикос Ивирии, патриарх Тырнова и архиепископ Сербии; — собор, на который и папа прислал бы [своих] представителей, согласно с установленными издревле порядком и обыкновением. И когда они соберутся, надо чтобы они с любовью всесвятого Духа и братским расположением исследовали существующие причины конфликта между нами и вами. И если так будет, я уверен, что Бог не скроет от нас свою святую волю и истину.

11. Если же будет не так, как я сейчас советую, а так, как безрассудно в данный момент ты стараешься, чтобы было, то не только не произойдет объединения, но и начнется еще худший, чем прежде, раскол. А ведь этот церковный раскол уже дошел до такой чудовищности, что некоторые из ваших вздумали крестить заново людей, принадлежащих к нашей церкви: ведь венгерский король делает это безбоязненно и уже перекрестил многих, в том числе и сына болгарского царя Александра, как будто наше крещение недействительно! Что пользы перечислять поименно?! Самого императора, моего сына, когда он там находился и просил у короля помощи против нечестивых, и сам король, и его мать, и их вельможи настойчиво пытались окрестить заново вместе со свитой, заявляя: «В ином случае, если ты сначала этого не сделаешь, мы не сможем оказать тебе помощи!»

⁴ Зикхийская митрополия находилась на Северном Кавказе, на берегу Черного моря, в районе Тмуторокани (см. J. M e u e n d o r f f. Projets..., p. 158, n. 44).

12. И, наконец, подумай, какая нелепость: ведь, будучи перекрещен из нашей веры, человек оказывается полностью отверженным и лишенным первого крещения, второго же крещения нет, ибо христианским крещением мы только раз крестимы; такой человек поневоле становится безбожным, ибо ясно, что кто не имеет крещения, не имеет и Бога. И ясно, как мы сказали выше, что те, кто поступает так, вместо того, чтобы быть нашими друзьями, братьями и [соучастниками] в духовном теле Христа, становятся [нашими] врагами — и не только в отношении тел и добра, но и по отношению к самим душам, а это, как мы сказали вначале, — характерная особенность нечестивых!

13. Потому, если произойдет так, как сказано, будет хорошо, если же нет, то и среди тех, кто далеко, и среди самих тех, кто находится в Константинополе, произойдет раскол, так что одни из них убегут в чужие земли, другие подчинятся нашей воле, третьи будут противостоять ей до [самой] смерти, считая себя мучениками. Ведь так и произошло при Самодержце и предке моем императоре господине Михаиле, первом из Палеологов: было сделано не так, как я советую сейчас, а так, как в настоящее время ты стараешься, чтобы случилось. И отсюда возникла тирания и [началось] немалое гонение, пользы же не было никакой, вследствие чего его дело вскоре оказалось непрочным, и [все] снова вернулось в прежнее состояние. Так вот, чтобы снова не произошло того же самого, послушайся моих слов и совета».

14. Услышав это от императора, Павел сказал: «Но какая мне польза от собрания многих? Я обращаюсь только к тебе, а через это мне доступно все, ибо ты подобен вертелу, на котором все, как куски мяса, висят; и если ты сдвинешься, и они вместе с тобой повернутся».

15. Император: «Это не так, архиерей. О себе я скажу, что если бы я был таким человеком, которого легко убедить твоими словами, и если бы ты этого достиг, то тебе, конечно, никоим образом не следовало бы полагаться на мои слова, ибо если бы я так легко послушался твоих слов, то в будущем так же легко обратился бы к чему-нибудь другому. Что же касается необходимости исследования тех вопросов, по которым возникают и существуют споры, то с этим я согласен, одобряю это и желаю этого от души. И когда [по рассмотрении] окажется, что ваше учение здраво, истинно и не противоречит нашим догматам, то первым, кто примет и возлюбит его, буду я. В ином случае не питай никакой надежды на то, что ты хочешь относительно меня».

16. Далее: если я подобен вертелу и все висят на мне, как ты говоришь, то это — не так просто; эти люди следуют в этих вопросах за мной, принимая мои слова и склоняясь к ним как к причастным божественной истине и правильным догматам, и никоим образом не иначе. Некоторое время назад, когда встал вопрос о церковных догматах, было произведено [их] рассмотрение — и не один раз, но дважды и трижды — и церковь высказала свое мнение по этим вопросам. Но некоторые, не будучи убеждены и этим, сказали: «Мы согласны с твоими предписаниями во всем, то касается тел; [такие предписания] мы приветствуем и следуем им, подчиняясь [тебе], поскольку ты наш император. Но в том, что нам представляется [идушим] во вред нашим душам, мы не можем за тобой последовать». Таким образом, они сохраняют верность своей воле по сей день, хотя я вполне мог бы как самодержец применить к ним моей властью все, что захотел бы: конфискацию, изгнание, смертную казнь. Но это не свойственно нашей церкви, поскольку вынужденная вера — не вера. Так вот, если эти отдельные [здесь] люди, которых можно легко пересчитать, не захотели внять ни церковному, ни нашему решению, тем более [могут не послушать нас] многие [верующие], живущие далеко [отсюда]».

17. Павел: «Нет правильной веры без решения папы; и из этого ясно,

что с той поры как вы отошли от общения с ним, верх над вами взяли нечестивые и отобрали у вас ваши земли».

Император ему: «Твои слова о том, что с тех пор, как мы порвали общение с папой, нечестивые осилили нас, не убедительны: ибо и Антиохию, большой и знаменитый город, и множество находящихся в той земле крепостей они захватили до раскола. И не только это: ведь и в ваших пределах многое было захвачено еще раньше. Я имею в виду Африку, Карфаген и другие земли вблизи Испании. И потому не доказательны твои слова, что якобы нечестивые захватили наши земли из-за раскола церкви. Это произошло из-за многих других наших грехов, совершая которые мы не раскаяемся».

18. Что же касается нашей веры, то я заявляю, что не только одни мы убеждены, что по сей день храним ее неизменной, как приняли от Христа, апостолов и их преемников, но и вы сами то же самое по сю пору свидетельствуете, да и ты сам говоришь, что наши убеждения не противоречат нашим. Если же ты осмелишься сказать, что наша вера и наши слова не содержат истины, справедливости и праведности, пусть разведут огонь и давай войдем в него!»

На вопрос Павла относительно того, когда будет огонь, император сказал: «Я не поднимусь со стула до тех пор, пока не разожгут огонь».

Некоторое время Павел, возможно, считал, что эти слова сказаны императором не всерьез, и [потому] соглашался. Когда же он понял, что это не пустые и напрасные слова, но реальное дело, он сразу начал отказываться, говоря: «Я жить, а не умереть хочу». Император сказал: «То же самое хочу и я, но я абсолютно уверен, что при божьем содействии в пользу православного учения я не только не сторю, но окажу вам помощь. Потому-то я и осмеливаюсь войти в огонь. Ты же, похоже, сомневаешься в своей вере и потому боишься смерти».

19. Павел некоторое время помолчал, затем император спросил его: «Что же ты думаешь по поводу сказанного мной?»

Тот ответил: «Правду говорю, не обманываю: [все] это хорошо, истинно и справедливо. Остается только тебе встретиться с папой. И если это случится, много произойдет добра».

Император: «Я полагаю, что безумен человек, который, желая перейти реку, простодушно влез в воду, не изучив предварительно выхода из нее. Я говорю это в качестве примера к твоему ответу. Ведь то же самое, что ты сейчас говоришь и утверждаешь, говорит папа; потому, если, как ты сказал, одобришь мои слова и совет — то, что мы исследуем, решено; если же нет, то и прибыв к папе, я услышу от него то же самое, что и от тебя сейчас, и то же самое, что говорю тебе, скажу ему и я, и, значит, мое прибытие к нему было бы напрасным».

20. Павел: «Вы, императоры, усевшись на вершине императорской власти, не соглашаетесь посетить папу. Потому-то ты и не хочешь отправиться к нему».

Император: «Прежние, бывшие до меня императоры справедливо и не без причины, я полагаю,— и при том основательно полагаю,— не прибывали к нему. Но говорить здесь об этом пространней я отказываюсь, чтобы мы, забыв дело, не занялись посторонним. Я же ради единства церкви — не то что на лошадях или на корабле — пешком отправился бы к нему, будь он даже на самом краю света. Всякий, кто прибывает к нему, целует его ногу. Для меня это весьма удивительно. Но ради, повторяю, объединения церкви я бы не только его ногу поцеловал, но и его лошади, и даже пыль под ее ногами».

21. Павел: «Если ты согласишься с моими словами и отправишься к папе, чтобы исполнить его волю, поскольку она справедлива и хороша, то папа даст тебе не только средства для защиты границ и иных целей, но и

перстень, который он носит. Если же нет — знай: великая и грозная сила придет и обрушится на вас, так что вы испытаете огромные бедствия».

22. Император, слегка усмехнувшись, сказал ему: «Союз предполагает нечто большее, чем перстень. Допустим, папа даст вместе с перстнем и свою мантию и — ничего больше. Этим он исполнит твое обещание, нам же от этого не будет никакой пользы. Но я это сказал шутя. Серьезно же говорю, что если догматы, которых придерживается папа и вы, окажутся правильными и истинными, то мы сами по себе примем их — без какой бы то ни было помощи и даров. Если же нет, то ни огонь, ни меч, ни сабля не заставят нас отступить от истинных и правильных догматов, ибо нам сказано: «Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить»⁵, а также: «Никто не может похитить овец моих из руки Отца моего»⁶. Так что овец, находящихся у Христа в руке, никто не сможет похитить, хотя бы и убивал тело десять тысяч раз».

23. Когда же Павел сказал: «Христиан, живущих среди нечестивых, я ставлю наравне с этими самыми нечестивыми, поскольку они терпят, слыша как каждый день поносится имя Христово», император ответил ему: «Я не только не считаю их всех, как ты говоришь, нечестивыми, но думаю, что многие из них лучше и благочестивей многих из живущих в здешних краях: ведь те, оказавшись в плену и в руках у нечестивых за известные Богу грехи и не имея даже возможности оттуда уйти, тем не менее тщательнее [этих] блюдут свою святую и веру. А из здешних некоторые туда перебегают, некоторые же, не имея возможности это сделать легко, пребывают здесь против своей воли. Потому я и сказал, что тамошних [христиан] я считаю православными, а этих — нечестивыми. Судьбу же их ведает праведный судия Бог! А что плененные христиане, слыша имя божие поносимым, ничуть не терпят ущерба, ясно следует из того, что победоносные [исповедники] и святые мученики, находясь среди нечестивых идолопоклонников, будучи христианами и слыша хулу в адрес Бога, не терпели ущерба. Но первые умирали естественной смертью, без мученичества, и отходили с тем, чтобы дать отчет в своих делах; другие же в решающий момент сами отдавали себя на мученическую смерть с тем, чтобы ее посредством приобрести вечные и неувядающие венки».

24. После этих слов беседа подошла к концу. Когда они немного перевели дух, император снова, как прежде, спросил: «Что ты думаешь по поводу сказанного, архиерей? Если это несправедливо, то изобличи несправедливость, если же это оказывается речами истины и справедливости, послушайся моих слов и совета!»

Павел: «Перед лицом Христа и истины, как прежде сказал, так говорю и теперь: свято, прекрасно и истинно то, что ты говоришь. И потому я соглашаюсь и приветствую, чтобы был созван собор».

25. Император: «Как дела, так и слова мои пусть будут ясны и понятны, чтобы они не потребовали иного объяснения в будущем. Если ты хочешь, чтобы был такой собор, как древние вселенские соборы, замечательно, и слов нет. Но если вы собираетесь прибыть, чтобы учить нас истине, то мы учителей не приглашаем, если судьями — тем более. Ибо как вы будете выступать одновременно и судьями и стороной в споре? А если же вы придете дружески и братски, без вражды и высокомерия, как люди, от души ищущие истину, мир и согласие, то это будет угодно Богу и нам, его рабам, приятно. Итак, если, собравшись вместе, мы изучим взгляды друг друга и придем все к соглашению — слава святому Богу! Если же всем руководящий и движущий Бог за ему известные грехи попустит, чтобы опять явилось такое же разногласие между нами и вами и разгорелся спор, то, дабы не оборвалась связь и не возникла у нас вражда и еще бóльшая

⁵ Матфей, X, 28.

⁶ Иоанн, X, 29.

распря, чем теперь, пусть каждая церковь останется при том, чего она держится сейчас, с тем чтобы все от души просили и умоляли миротворца Бога ниспослать свой святой мир и единство так, как он сам ведает».

26. После того, как император это сказали и Павел заявил, что он с этим согласен, было постановлено, чтобы этот собор состоялся в Константинополе в промежутке между началом июня пятого индикта шесть тысяч восемьсот семьдесят пятого года и концом мая седьмого индикта ⁷.

ПРЕДИСЛОВИЕ ИОАННА КАНТАКУЗИНА К ЕГО «ОПРОВЕРЖЕНИЯМ» ПРОХОРА КИДОНИСА

[По рукописи Московского Синодального собрания 233 ($\frac{143}{\text{CXLIV}}$)]

π. 21. Τοῦ εἰσεβεστάτου καὶ φιλοχρίστου βασιλέως καὶ αὐτοκράτορος Ῥωμαίων Ἰωάννου τοῦ Καντακουζηνοῦ, τοῦ διὰ τοῦ θεοῦ καὶ μοναχικοῦ σχήματος μετονομασθέντος Ἰωάσαφ μοναχοῦ, ἀντιρρήτικῶς κατὰ τοῦ ἱερομονάχου Προχόρου τοῦ Κυδωνη, γράφαντος κατὰ τοῦ ἐν τῷ Θαβωρίῳ λάμπαντος φωτός ἐν τῷ προσώπῳ τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, καὶ κτίσμα τοῦτο καλοῦντος.

Λόγοι ἀνόμων ὑπερεδονάμωσαν ἡμᾶς, φησὶν ὁ προφήτης; ἡμεῖς δέ, τὸ λόγιον μικρὸν ὑπαλλάξαντες, ἐροῦμεν, ὅτι λόγοι τῶν κακῶς τὰ θεῖα διαιτησάντων ὑπερεδονάμωσαν ἡμᾶς, τουτέστι τῇ παραθέσει τῶν δυσσεβῶν ῥημάτων αὐτῶν. Λαμπροτέρα ἡλίου ἢ τῶν ὀρθοδόξων ἀναφαίνεται πίστις· καὶ γὰρ ὁ ἐκ Καλαβρίας ὀρμώμενος Βαρλαάμ, τῇ τε φύσει καὶ τῇ ἐλληνικῇ παιδείᾳ πολὺς, χωρεῖ κατὰ τοῦ θεοῦ φωτός. Καὶ ὕπερ οἱ θεολόγοι θεότητα καὶ ἀναρχον τοῦ Θεοῦ βασιλείαν, καὶ ἄχ-

π. 21. 06. ρονον καὶ φυσικὴν λαμπρότητα, καὶ ἰδίωμα θεῖον, καὶ ἑτεράττα ¹ ὅμοια τούτοις ἀπολαλοῦσιν, οὗτος κτίσμα καὶ φάσμα, καὶ ἥττον νοήματος ἀπεφήνατο. Διὰ τοῦτο ἐποιήθη τῷ Θεσσαλονίκῃς Γρηγορίῳ τῷ μακαρίτῃ βιβλίον πᾶν ὕψωμα κατὰ τοῦ Θεοῦ καθαιροῦν τὸ παρά τοῦ Βαρλαάμ κακῶς ἔκτεθέν. Συνόδου τοίνυν συγχροτηθεῖσης ἐν τῇ Κωνσταντινουπόλει παρὰ τοῦ μακαρίτου καὶ ἀσιδίου βασιλέως Ἀνδρόνικου τοῦ Παλαιολόγου, τοῦ ἀδελφοῦ μου, Ἰωάννου τοῦ Καλέα τὸν πατρι-
αρχικὸν κατέχοντος θρόνον, παρόντος καὶ αὐτοῦ δὴ τοῦ Θεσσαλονίκῃς, κατεδικάσθη καὶ ἀπεπέμφθη ὡς αἰρετικὰ φρονῶν ὁ ῥηθεὶς Βαρλαάμ. Καὶ γίνεται τόμος συνοδικὸς κατ' αὐτοῦ. Οὕτω τοιγαροῦν τοῦ πράγματος γεγονότος, ἀναφέεται ὁ ἐκ Μυσσῶν Ἀκίνδυνος σὺν ἑτέροις τισὶ τούτῳ ὁμοίοις, ἀναδεξαμένοις τὰ ἐκείνου, συμμύσταις οὖσιν ἐκείνῳ καὶ ὁπαδοῖς. Καὶ Βαρλαάμ μὲν κατὰ τοῦ θεοῦ φωτός χωρεῖ, οὗτοι δὲ πρὸς τούτῳ καὶ κατὰ τῶν θείων ἐνεργειῶν; καὶ ποτὲ ² μὲν αὐτὰ καλοῦσι κτίσματα, ποτὲ ³ κτιστὰ καὶ ἄκτιστα, ποτὲ ³ — μήτε ἄκτιστα, μήτε κτιστὰ, ἔστι

π. 22 δ' ὅτε, αὐτὴν εἶναι τὴν μακαρίαν οὐσίαν τοῦ Θεοῦ, μήθ' ἂ λέγουσιν εἰδότες, μήτε περὶ ὧν διαβεβαίονται. Καὶ συναθροισθείσης αὐθις δευτέρας συνόδου παρὰ τῆς ἀσιδίου καὶ μακαρίτιδος δεσποίνης, τῆς ἀδελφῆς μου τῆς Παλαιολογίνης, ἐν ταύτῃ δὴ τῇ βασιλίδι τῶν πόλεων, καταδικάζεται μὲν οὗτος δὴ ὁ Ἀκίνδυνος, συγκαταδικάζεται δὲ καὶ ὁ ῥηθεὶς πατριάρχης ὡς τὸ ἐκείνου φρονήσας. Γεγονότος καὶ αὐτὶς ἐτέρου τόμου συνοδικοῦ, ἐπικυροῦντος μὲν τὸν κατὰ τοῦ Βαρλαάμ ῥηθέντα τόμον, καταδικάζοντος δὲ καὶ τὸν Ἀκίνδυνον τόνδε σὺν τῇ ἑταιρείᾳ αὐτοῦ. Ἐπειτα διαδέχεται τὸν πατριαρχικὸν θρόνον Ἰσίδωρος ὁ μακάριος, ὁ ὄντως τοῦ Θεοῦ ἄνθρωπος. Οὐ πολὺ τὸ ἐν μέσῳ καὶ ἀνίσταται ὁ φιλόσοφος Γρηγορᾶς Νικηφόρος, ἐπεδικῶν τὰ τε Ἀκινδύνου καὶ Βαρλαάμ. Καίτοι γε τὸν φιλόσοφον, ὡς φιλόσοφον, πείθεσθαι ἔδει τῇ ἀληθείᾳ καὶ ἡρεμεῖν — ὁ γὰρ φιλοσοφίας ὄρας τοιοῦτός ἐστιν, ὥστε τὸν ταύτην ἀσπασάμενον ἀπλαστον εἶναι προσήκει καὶ συνετὸν ὡσπερ του-
γαντίσῳ — ἀναίσχυντον πάντη καὶ ἰταμόν, τὸν πονηρίᾳ συζῶντα καὶ βασκανία.
π. 22 06. Ὁ γὰρ τοι τοιοῦτος. Κἄν μυριάκις ἐπιστομισθῇ τοσαυτάκις ἀνθίσταται ἥ παλιν. Ὁ δὲ

⁷ Т. е. между началом июня 1367 г., когда состоялся этот разговор, и концом мая 1369 г.

¹ Так в рукописи.

² οἱ — Paris. 1241 et 1242.

³ οἱ δὲ — Paris. 1241 et 1242.

τὴν φίλην ἀλήθειαν ἀποθέμενος, καὶ ἑτέρους προσλαβόμενος ἱκανούς, κατὰ τῆς ἀληθείας ἴσταται. Ἄλλ' οἱ ἐχθροὶ Κυρίου ἐφείσαντο αὐτῷ. Καὶ τοίνυν καὶ αὐθις τρίτης συνόδου συγκροτηθείσης καὶ αὐτῆς ἐν τῇ Κωνσταντινουπόλει παρ' ἐμοῦ, τὸν πατριαρχικὸν θρόνον τοῦ μακαρίου Καλλίστου κοσμοῦντος, πάλιν γίνεται τόμος, ἐπεδικῶν μὲν καὶ ἐπιστηρίζων τὸν τε πρῶτον καὶ δεῦτερον τόμον καταδικάζων δὲ τὸν Γρηγορᾶν σὺν τε τῷ Ἀκινδύνῳ καὶ Βαρλαάμ. Ὁ δὲ, τὴν κατ' αὐτοῦ τοιαύτην ἐνεχθείσαν ψῆφον μὴ ἐνεγκῶν, κατὰ τοῦ τόμου χωρεῖ. Καὶ οὗτ' ἀπὸ τῆς θείας γραφῆς, οὗτ' ἀπὸ τῆς διδασκαλίας τῶν θείων πατέρων καὶ θεολόγων, ἀλλ' ἀπὸ τῆς κοιλίας αὐτοῦ βλάσφημα ἐξερέγεται ῥήματα. Ἐνθὲν τοι καὶ τῷ ἀγιωτάτῳ πατριάρχῃ Φιλοθέῳ βιβλίον ἐξεπονήθη κατὰ πάντων αὐτῶν, τῷ σοδομητικῷ πυρὶ ἔοικός, τῷ τεφροῦντι γλώσσας βλασφήμους καὶ ἀσεβεῖς. Οὕτω γοῦν τοῦ πρῆξματος ἔχοντος, οὐκ ἂν ποτε εἰς τοσαύτην μανίας ἔλθοιμεν κορυφῆν, ὡς τε τὰ ἐκείνων ἀτελεῖ νομίσαι καὶ τέλος ἐπιθεῖναι τοῖς γράμμασιν. Ἄλλ' ἐπειδὴ καὶ τέταρτον ἤδη τινὲς διανέστησαν καὶ ποῖς πρωτέροις παραπλησίως βλάσφημα ῥήματα περὶ || τοῦ θείου φωτὸς εἰρήκειςαν, ἐπιχειρήμασι δυσδιαλύτοις, ὡς αὐτοῖς δοκεῖ, τὸ ^{π. 23} ἰσχυρὸν ἔχουσι, το ψεῦδος πειρώμενοι συνιστᾶν. Πρέπον μὲν ἦν ἂν μηδεμίαν ἀπόκρισιν δοῦναι πρὸς αὐτοῖς ἢ πρὸς ἑτέροις, εἴπερ ἐπιχειρήσει ποτέ τις λαλῆσαι περὶ τῶν προλαληθέντων, ἀρκετοὶ γάρ εἰσι Θεοῦ χάριτι οἱ προγεγονότες τόμοι, ἀλλὰ δὴ καὶ τὰ ἐκπονηθέντα βιβλία, ὡς εἴρηται, παρά τε τοῦ μακαρίου Θεσσαλονίκης καὶ τοῦ ἀγιωτάτου πατριάρχου Φιλοθέου, ἀλλ' ἐπειδὴ τῶν φίλων τινὲς ἤξίωσαν εἰπεῖν καὶ ἀπολογησέσθαι πρὸς τὰ παρὰ τῶν ῥηθέντων λεγόμενα, εἰ καὶ ἀδυνάτως πρὸς τὴν τούτων ἐγχείρησιν ἔχομεν, ὅμως τὸν Ἰησοῦν ἐπικαλεσάμενοι — τὸ πατρικὸν φῶς, τὸ ἐν, τὸ ἀληθινόν, ὃ φωτίζει πάντα ἄνθρωπον ἐρχόμενον εἰς τὸν κόσμον, δι' οὗ τὴν πρὸς τὸν ἀρχίφωτον Πατέρα προσαγωγὴν ἐσχῆκαμεν, — τὴν τούτων ζήτησιν ἐκπληροῦντες, τοῦ προκειμένου ἀγῶνος ἀρχόμεθα. Καὶ εἶθε ἱκανότης ἡμῶν ἐκ Θεοῦ δωρηθεῖ!

ПЕРЕВОД

Благочестивейшего и христолюбивого императора и самодержца Ромея Иоанна Кантакузина, ради божественного монашеского чина переменованного в Иоасафа монаха, Опровержения иеромонаха Прохора Кидониса, написавшего о свете, просиявшем на Фаворе в лице господя нашего Иисуса Христа, и называющего его [этот свет] творением

«Словеса беззаконник премогаша нас» говорит пророк ¹; мы же, немного изменив изречение, скажем, что словеса тех, кто пагубно толкует священное, превозмогли нас вследствие нагромождения нечестивых речей их.

Светлее солнца сияет вера православных. И действительно, Варлаам из Калабрии, сильный своими природными данными и эллинским образованием, ополчается [именно] на божественный свет. Именно то, что богословы называют божественностью, безначальным царством Божиим, вневременным и природным сиянием, божественным свойством и другим тому подобным, он объявил творением, призраком и [явлением] низшим мышления. Потому-то блаженной памяти Григорием Фессалоникийским и была создана книга, сокрушающая всю заносчивость, которую Варлаам злобно выставил против Бога.

И вот, когда блаженной памяти прославленным императором Андроником Палеологом, моим братом, был созван в Константинополе — при патриархе Иоанне Калекке — собор ², на котором присутствовал и сам [Григорий] Фессалоникийский, упомянутый Варлаам был осужден и отлучен как еретик. И появляется соборное определение против него.

¹ Псал., 64, 4.

² В 1341 г.

Когда таким-то образом обернулись дела, появляется мисиец * Акиндин с некоторыми другими ему подобными, воспринявшими его взгляды и являющимися его соучастниками и последователями. И Варлаам ополчается на божественный свет, а эти сверх того — и на божественные энергии; и то называют их творениями, то сотворенными и несотворенными, то ни несотворенными, ни сотворенными³; а иногда [они заявляют], что есть одна только блаженная сущность божия, не ведая, что говорят и утверждают.

И на втором соборе⁴, вновь созванном прославленной блаженной памяти императрицей, сестрой моей Палеологиней, в том же царствующем граде, осуждается и этот Акиндин, а вместе с ним — и упомянутый патриарх, как единомысленный с ним. И снова появляется [уже] второе соборное определение, утверждающее упомянутое определение против Варлаама и осуждающее Акиндина этого с его сторонниками.

Затем блаженный Исидор, истинно божий человек, получает патриарший престол. Проходит немного времени, и выступает Григора Никифор, защищая взгляды Акиндина и Варлаама. Между тем философу — [именно] как философу — подобает следовать истине и пребывать в покое. Ведь правило философии таково, что преданному ей [человеку] свойственно быть честным и рассудительным, как и в противном случае — совершенно бесстыдным и дерзким, погрязшим в порочности и зависти. А он именно таков. И хотя бы десять тысяч раз его обуздывать, столько же раз он станет противоречить снова. Ведь он, пренебрегши милой истиной и обзаведшись достаточным количеством сторонников, обращается против истины.

Но враги Господа обманули его (Григору. — Г. II.).

И вот, когда вновь, в третий раз, опять в Константинополе, был мною при блаженном Каллисте, украшавшем патриарший трон, созван собор⁵, тогда снова появляется определение, защищающее и подтверждающее первое и второе определения, а Григору осуждающее вместе с Акиндином и Варлаамом. Григора же, не стерпев это вынесенное против него решение, выступает против определения [и исходит] не из божественного писания, не из учения божественных отцов и богословов, но изрыгает кощунственные речи из нутра своего. Из-за этого-то и святейшим патриархом Филофеем была создана книга, подобная содомскому огню, испепеляющему кощунственные и нечестивые языки.

Так ведь обстояло дело. Не дошли ли мы, пожалуй, [в споре] до такого крайнего накала страстей, что надо бы счесть [все] их нападения бесплодными и положить конец писаниям [опровержений]?

Но потом, уже в четвертый раз, поднялись некие и, подобно предыдущим, высказали кощунственные слова о божьем свете. В неоспоримых умозаключениях они, как им кажется, имеют силу, пытаются доказать ложь. Подобало бы никакого ответа не давать ни им, ни другим, если кто когда-нибудь попытается сказать об упомянутом выше: ведь достаточно божьей милостью появившихся раньше определений, а также книг, написанных, как сказано, блаженным [Григорием] Фессалоникийским и святейшим патриархом Филофеем.

Но некоторые из [наших] друзей пожелали, чтобы мы выступили в защиту и опровергли то, что говорят упомянутые [люди]. Хотя нам и нелегко братья за это дело, однако, исполняя их желание, призвав Иисуса — свет отеческий, суший, истинный, который просвещает всякого человека, грядущего в мир, благодаря которому мы получили доступ к источнику света — Отцу, начинаем этот спор. И да будет нам дарована сила от Бога!

* Акиндин был родом из Болгарии (прим. пер.).

³ О имеющемся здесь разночтении с парижскими рукописями см. стр. 328, пункт 1.

⁴ В 1347 г.

⁵ В 1351 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К «ПЕРЕПИСКЕ» ИОАННА-ИОАСАФА КАНТАКУЗИНА С ЛЕГАТОМ ПАВЛОМ¹

С наступлением шесть тысяч восемьсот семьдесят седьмого года² в Византии (т. е. в Константинополь. — Г. П.) из Италии прибыл ученый муж именем Павел — тот самый, который, выполняя посольскую миссию по некоторым государственным делам от римского папы Урбана к императору Иоанну Палеологу, объявил себя патриархом Константинополя. И этот вот Павел, услышав много хулы от единомышленников Варлаама и Акиндина, наводящих клеветы на святую константинопольскую церковь, очень захотел осведомиться у кого-нибудь из сторонников церкви, верно ли то, что говорят о них, или нет. Узнав об этом, император Кантакузин послал Павлу приглашение во дворец.

И поговорив с ним об интересующих его вопросах дважды, трижды и многократно, доказал ему, что те, кто рассуждает подобно Акиндину и Варлааму, плохо рассуждают и что они к тому же суть клеветники и наглецы не только по отношению к константинопольской церкви, но и по отношению к святым учителям и что святая константинопольская церковь правильно мыслит и в согласии со всеми святыми.

Эти разговоры, разъясняющие каждый пункт исследования, изложены в настоящей книге по частям.

ПИСЬМО ИОАННА КАНТАКУЗИНА ЕПИСКОПУ ИОАННУ НА КИПР¹

Возлюбленнейший Богом епископ Карпасии, проездом Константины и Амехоста, господин Иоанн! Царственность моя, хотя и не имела обыкновения писать к тебе, возлюбленному Богом, но ради добродетели, коей ты наделен от природы, и боговдохновенного образа мыслей, который ты питаешь, принимала тебя прежде и [теперь] намерена написать тебе и сообщить о некоторых необходимых вещах. До сих пор некоторые обстоятельства этому препятствовали. Теперь же я излагаю и объясняю тебе то, чего не сообщил доныне.

Уже тридцать лет назад и [даже] больше, как некий человек, калабриец родом, по имени Варлаам, воспитанный на эллинской премудрости, прибыв сюда и пробыв здесь немало времени, начал обвинять находящихся здесь исихастов и извергать из себя нечестивые догматы. Когда святейший митрополит Фессалоники господин Григорий Палама, бывший тогда иеромонахом, стал его опровергать, тот дошел до такой степени бесстыдства, что дерзнул написать особую книгу, наполненную его зломысленными богорульствами и зловредными мнениями, и нагло вручить ее тогдашнему патриарху господину Иоанну. Узнав об этом, высочайший император Ромеев блаженной памяти прославленный господин Андроник Палеолог, брат царственности моей, созвал собор в досточтимом божественном храме премудрости Слова Божьего, призвав [на него] многих из пребывающих в исихии, которых сей Варлаам обвинял в порочных мнениях, и особо — упомянутого достойнейшего иеромонаха господина Григория Паламу —

¹ Греческий текст издан по рукописи XVII в. А. Пападопуло-Керамевсом: *Ἱεροσολυμιτικῆ βιβλιοθήκη ἢτοι κατάλογος τῶν ἐν ταῖς βιβλιοθήκαις τοῦ ἁγιοτάτου ἀποστολικοῦ τε καὶ καθολικοῦ ὀρθοδόξου πατριαρχικοῦ θρόνου τῶν Ἱεροσολύμων καὶ πάσης Παλαιστίνης ἀποκειμένων ἐλληνικῶν κωδίκων*. Ἐν Πετρούπλει, 1899, σελ. 116, № 130. Текст был сверен мной с Vatopedi 347 (XV в.), лл. 153—153 об.

² Начало 6877 г. соответствует сентябрю 1368 г.

¹ Греческий текст издан по рукописи Vatopedi 434 (конец XIV в.): J. D a g g o u z è s. *Lettre inédite de Jean Cantacuzène relative à la controverse palamite*. — REB, XVII, 1959, p. 15—21.

того, который позже занял Фессалоникийскую кафедру. На заседании император сам лично, в присутствии патриарха, всего синклита и собора приблизительно тридцати шести архиереев, произвел рассмотрение этого вопроса. И было объявлено, как со стороны самого императора, патриарха и синклита, так и всего явившегося во множестве народа, словно из одних уст, что то, что Варлаам говорит и пишет, преисполнено кощунств, порочных заключений и далеко от христианского мировоззрения. Потому и при таких обстоятельствах появилось соборное определение, оправдывающее вышеупомянутых монахов, особенно же господина Григория Паламу Фессалоникийского; оно было помечено подписями патриарха и всего собора: да будут преданы анафеме те, кто осмелится опровергать и оспаривать это определение.

Варлаам, как сказано, ушел. Некий же монах, Григорий Акиндин по имени, будучи прямым учеником этого Варлаама, воспринял его заблуждения и ересь. Затем, сочтя некоей неожиданной удачей то смятение, которое произошло среди нас, когда император, брат царственности моей, умер, он обучил [ереси] многих из здешних. Узнав об этом, высочайшая императрица ромеев, сестра царственности моей, госпожа Палеологиня, славная и блаженная, созвала в своем присутствии собор. Собор постановил, чтобы то, что говорит этот Акиндин, было с гневом отвергнуто и изгнано, и чтобы сам он, как еретик и [человек] порочных мнений, равно как и учитель его, тот Варлаам, были отлучены, по обычаю, с амвона в неделю Православия. Но это не все, что было сделано по отношению к ним: тогдашний патриарх, господин Иоанн, рукоположивший в дьяконы Акиндина и защищавший его слова, был разжалован. И не потому только он был разжалован, что явно держался еретических и пагубных догматов того, но и потому, что сам писал и подписывал соборное определение, подвергающее анафеме всякого, кто в какой-либо степени захотел бы его опровергнуть.

И вот снова архиереями, составившими первое определение, и теми, кто были рукоположены и стали архиереями после того, было выпущено второе соборное определение, подтверждающее и подкрепляющее первое. Это произошло и было сделано, когда я находился еще вне Константинополя, ибо я еще им не владел. После же того, как я вошел в этот возвеличенный Богом Константинополь и вся власть над ромеями оказалась у моей царственности, воззвали ко мне все принявшие сторону Акиндина, крича, что они подверглись несправедливости и просят суда, который и состоялся тогда согласно их просьбе. По этой причине царственность моя через послов приглашает из Фессалоники названного господина Григория Паламу. И по просьбе тех был созван собор. В течение многих дней рассматривалось сказанное ими — и не однажды и не дважды, но три и пять раз, — и снова, как всегда, они были единогласно осуждены, причем об этом было выпущено еще и третье определение, подписанное царственностью моей, высочайшим императором ромеев и любимейшим сыном царственности моей господином Иоанном Палеологом, патриархом господином Каллистом и собором.

Они же, совершенно как неизлечимо больные, не захотели принять лекарства раскаяния. Одни из них еще здесь находятся, другие же ушли куда кто захотел, так что некоторые появились и там [у вас], а именно — сначала кувикюлярий Атуэм, Антоний, называемый Финикийцем, и другие, потом — и [епископ] Тира, который, подделав простагмы, как будто он был там назван, и таким же образом изготовив патриархии письма, явился в Сирию и, склонив некоторых на свою сторону, стал патриархом Антиохии; будучи же обличен и там, он был смещен. Это люди, [которые прибыли туда] тогда.

В настоящий же момент прибыл туда, как узнала царственность моя, некий монах, называемый Анфимом Каливой. Подобно тому, как известный Симон Маг и Кинопс выступали против святых апостолов, называя

нечестивыми светочей [христианства], и еще как последователи Ария звали тритеитами Василия Великого и Григория Богослова, учителей церкви, за то, что они чтили и почитали Святую Троицу, так и эти оговаривают и называют политеистами нас за то, что мы говорим, что как природа Божия несотворенна и неизъяснима, так и энергия блаженной сей сущности несотворенна и неизъяснима. Они же измышляют против нас такие клеветы, какие сам дьявол не решился бы сказать.

Ибо попались мне некие главы, здесь ими написанные, которые они послали на ваш остров, чтобы сбить с пути по мере возможности тамошних христиан и убедить их последовать нечестию этих Варлаама и Акиндина; отчего и показалось чарственности моей полезным написать и показать такому свяществу, чтобы ты и все находящиеся там христиане узнали, как таковые еретики клеветуют на нас, бесясь из-за ненависти и злобы, которые они питают против нас, милостью Христовой православных.

1. Ведь они говорят, что мы будто бы исповедуем в Боге две божественности: одну — сущность, а другую — не сущность. На это я говорю: да будет предан анафеме тот, кто так думает. Мы же исповедуем одну божественность Отца и Сына и Святого Духа.

2. Еще говорят они против нас, что мы сопоклоняемся разным божественностям в ипостасях Св. Троицы. На что я говорю: да будет предан анафеме тот, кто так думает. Мы же поклоняемся одной божественности в трех ипостасях Отца и Сына и Святого Духа.

3. Еще они говорят, что мы поклоняемся иному Богу, похожему на сияние, видимое телесными очами. Я же говорю: да будет предан анафеме тот, кто поклоняется такому богу. Мы же поклоняемся Отцу и Сыну и Святому Духу — Троице единосущной и нераздельной.

4. Еще они говорят, что мы поклоняемся бесчисленному количеству безначальных низших богов, исходящих из сущности Божией, которых мы по большей части и называем богами и божественностями. А я говорю: да будет предан анафеме тот, кто так думает. Мы же веруем в одного Бога в Отце и Сыне и Святом Духе.

5. Еще они говорят, что мы разделяем природу Божию на части и элементы. Я же говорю: да будет предан анафеме тот, кто так думает. Мы же поклоняемся Отцу безначальному, Сыну собезначальному, обладающему всей природой Отца, и Духу Святому с Отцом и Сыном сопоклоняемому и сославимому, тоже обладающему всей природой Отца, точно так же, как и Сын.

6. Еще они говорят, что мы считаем, что природная энергия Бога видима, будучи сама по себе как свет. Да будет предан анафеме тот, кто так думает. Мы же считаем, что природная энергия Бога сама по себе ничего не представляет, но является неотделимой от безначальной и неизъяснимой сущности Божией.

7. Еще они говорят, что мы говорим, что безначальная Божья природная энергия инакоприродна, неодинакова, во много раз слабее, безыпостасна, без сущности и так относится к природе [божьей], как Сын к Отцу и Духу Святому. А я говорю: да будет предан анафеме тот, кто так думает. Мы же говорим, что безначальная Божья природная энергия является неотделимой от природы, и где природа — там и энергия, и где энергия — там и природа.

8. Еще они говорят, что мы полагаем, что все совершают низшие боги, а Божья природа ничего из сущего не совершает, но, будучи ограниченной, находится вне всего. А я говорю: да будет предан анафеме тот, кто так думает. Мы поклоняемся единому триипостасному Богу (имеющему одну природу, одну силу, одну энергию, одну божественность), находящемуся во всем и выше всего; и нет места, в котором нет Бога по сущности.

9. Еще они говорят, что мы говорим, что причастные низшим божественностям становятся безначальными, несотворенными и вечными.

А я говорю: да будет предан анафеме тот, кто так думает. Я ведь говорю, что очистившиеся от грехов и совершившие дела, достойные того, чтобы соединиться с Богом, соединившись с ним, становятся и сами богами по благодати, согласно словам Господа: «Я сказал: вы — боги и сыновья Всевышнего все»².

10. Еще они говорят, что мы говорим, что божья природа и субстанциональная энергия является общей и у нас, и у ангелов. А я говорю: да будет предан анафеме тот, кто так думает. Я полагаю, что божья природная и субстанциональная энергия является общей у Отца и Сына и Святого Духа; люди же и ангелы приобщаются к Богу по благодати, каждый в соответствии со своей чистотой.

11. Еще они говорят, будто мы считаем Сына Божия и Дух Святой природными произведениями, творениями и энергиями низшими, слабейшими и худшими и Отца и друг друга. Да будет предан анафеме тот, кто так думает. Мы считаем Отца безначальным, Сына собезначальным, Духа совечным и равным по славе и почету Отца и Сыну, сопоклоняемым и славимым.

12. Еще они говорят, что мы говорим, будто плоть приняла ипостась Слова и Сына Божия. А я говорю: да будет предан анафеме тот, кто так говорит. Мы ведь говорим, что вначале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог, и в последний день Слово стало плотью и вселилось среди нас, и что ипостась Слова Божьего восприняла плоть, и стало, таким образом, две природы одной ипостаси Слова Божьего, но не плоть приняла ипостась Слова, как они обвиняют нас.

13. Еще они говорят, будто мы говорим, что голубка, появившаяся при крещении Господа, не была Духом Святым. Да будет предан анафеме тот, кто так думает. Напротив, мы говорим, что Дух Святой сошел как бы в виде голубки и остался на Христе.

14. Еще они говорят, что мы говорим, будто следствия безначальны. Да будет предан анафеме тот, кто так думает. Мы же полагаем, что следствия являются творениями, имеющими акт творения в качестве начала; сила же, их создавшая, — безначальна.

15. Еще они говорят, будто мы говорим, что обожествленное тело Господне, которое ныне вкушая, мы становимся причастниками божественной природы, освящает и обожествляет не та божественность, которая то распятое тело освятила на кресте, но некая другая божественность, бессущественная и низшая. Я же говорю: да будет предан анафеме тот, кто так думает. Мы говорим, что та же самая божественная сила или божественность, которая освятила распятое вечно святое тело, [полученное] от Девы, освящает благословенный хлеб и благословенную чашу и претворяет хлеб в самое тело Господне, а виноградное вино — в самую чтимую кровь Его. И мы веруем, что это — не что иное, как чтимое тело и кровь Христовы, и что тот, кто не перерожден водой и Святым Духом и кто не вкушает тело Господа нашего Иисуса Христа и не пьет крови Его, не может наследовать царства Божия.

16. Еще они говорят, будто мы говорим, что Слово Божие родилось у святой Девы позакону естества, а не сверхъестественно. Да будет предан анафеме тот, кто так думает. Напротив, мы говорим, что не только он рожден был сверхъестественно, но что и ангелам, и людям неизвестен способ вочеловечения Слова Божия.

17. Еще они говорят, что мы считаем, что уготованное от Бога святым является несотворенным. Ведь во всем они лгут, а в этом говорят истинно, ибо мы думаем [именно] так. Из их же слов следует — хотя они обвиняют в этом нас, — что сами они рассчитывают насладиться чем-то созданным. Мы же наставлены и обучены Христом, что он сам есть наследие спасен-

² Псал., 81, 6.

ных; еще же — и апостолом Павлом, что святые становятся наследниками Божиими и сонаследниками Христовыми. [Таким образом] по необходимости наследие спасенных — несотворенно. Потому и злословие их да обратится на их [же] головы!

18. Еще они говорят, будто мы говорим, что у Бога не три ипостаси, но много различных сил и энергий. Да будет предан анафеме тот, кто так думает. Мы именуем Отца и Сына и Святого Духа тремя ипостасями, но одной сущностью, силой и энергией, а не многими, отличающимися друг от друга, как эти жалкие клеветцы.

19. Еще они говорят, что мы считаем огонь, виденный на купине, и огненную колесницу, восхитившую Илию, несотворенными богами и божественностями. Да будет предан анафеме тот, кто так думает! Мы же говорим, что огонь, явившийся на терновнике, был символом воплощения Слова Божьего в Деве: как терновник горел, но не сгорал, так и Дева не была сожжена, приняв огонь божественности. Относительно же огненной колесницы, восхитившей Илию, я точно не знаю; но, [видимо], по божьему приказанию некая божественная сила восхитила его.

Царственность моя написала это к твоему священству, чтобы знал ты и все тамошние христиане клеветы этих зломысленных. Я намеревался написать об этом пространней, но так как я занят и так как я был вдали от Константинополя³, как ты узнаешь от доставляющего это [письмо], я не написал ничего больше.

Напиши мне, чтобы я узнал, дошло ли до тебя в сохранности настоящее [письмо]; тогда и царственность моя напишет твоему священству пространнее и яснее, из чего ты [лучше] узнаешь их зломыслие и нечестие.

Иоанн, во Христе Боге верный император и самодержец ромеев, Кантакузин, ради божественного монашеского чина переименованный в монаха Иоасафа.

В заключение от души благодарю Б. Л. Фонкича и А. И. Зайцева, помогавших мне в работе над этой публикацией.

---

³ Имеется в виду пребывание на Пелопоннесе.